

создаваемым текстом автора. Казалось бы, все здесь подчинено строгой иерархии. Гоголь вслед за Пушкиным (а вовсе не за Тиком) выстраивает трехступенчатую композицию авторского образа [27, с. 41]. Одновременно он противопоставляет великосветского читателя «добрым людям», собравшимся в пасечникову хату, как и мир Петербурга миру Диканьки в целом. Однако если у Пушкина иерархия действительно существует, а романтические рассказы барышни, анекдоты из военной жизни, пропущенные через наивное сознание издателя Ивана Петровича Белкина, высвечивают в конечном счете высокое сознание Пушкина «как высшей, объемлющей и объединяющей всю книгу личности-образа» [27, с. 41], то у Гоголя намеченная было иерархия оказывается лишь одним из способов игры с читателем и его мистификации.

Рассказчики повестей одновременно и отстают от Гоголя (автора), и являются собой его комическое (а порой не только комическое) alter ego. Из всех рассказчиков наиболее близким автору оказывается многократно им же осмеянный гороховый панич. Ему-то и принадлежат в первой части «Вечеров» две наиболее литературные, авторские, а не сказовые повести — «Сорочинская ярмарка» и «Майская ночь», с их обилием лирических отступлений и повествованием от лица всеведущего автора. Иронические слова Рудого Панька в адрес панича, вычурно рассказывающего истории, очень точно предвосхищают упреки критики к Гоголю сразу же после выхода в свет его «Вечеров», упреки, которых он имел основание опасаться: «А один из гостей... Ну, тот уже был такой панич, что хоть сейчас нарядить в заседатели или подкомории. Бывало, поставит перед собою палец и, глядя на конец его, пойдет рассказывать — вычурно, да хитро, как в печатных книжках! Иной раз слушаешь, слушаешь, да и раздумье нападет. Ничего, хоть убей, не понимаешь. Откуда он слов понабрался таких!» [27, т. I, с. 105]. Ср. отзыв Н. Полевого на первую книгу «Вечеров»: «...воля ваша, мы своим русским умом не понимаем этого высокопарения... Если бы выписывать все ваше высокобеспонятнолетание, то рука устанет... Желание подделаться под малоруссизм опутало до такой степени ваш язык и ваше изложение, что в иных местах и толку не доберешься» [29, с. 93].

Можно предположить также, что обращенная к Фоме Григорьевичу и другим присутствующим фраза «Не мечите бисера перед свиньями» соотносится у горохового панича, помимо естественного библейского источника, также и с известным Гоголю высказыванием Пушкина о Чацком: «Первый признак умного человека — с первого взгляду знать, с кем имеешь дело и не метать бисера перед Репетиловыми и тому под.» [30, с. 122].

Интересно, что сниженность, почти пародичность облика и образа панича сочетается с появлением в его описании ряда черт, которые входят и в создаваемый Гоголем миф о самом себе. Способность панича из Полтавы вытянуть «носом на лету всю кучку [табаку], не дотронувшись даже до большого пальца» [28, т. I, с. 107], прямо проецируется на гоголевское описание своей внешности в заметке Е. Г. Чертковой: «...мой [нос] решительно птичий, остроконечный и длинный, как Браун, могущий наведываться лично, без посредства пальцев, в самые мелкие табакерки» [28, т. IX, с. 25].

Наконец, в самом исчезновении горохового панича во второй части «Вечеров» не намечается ли типично гоголевский не только художественный, но и поведенческий мотив самоустранения, самосожжения: «Хоть бы простился с кем, хоть бы кивнул кому головою, только слышали мы, как подъехала к воротам тележка с звонком; сел и уехал. И лучше! Не нужно нам таких гостей!» [28, т. I, с. 196].

Одновременно гороховый панич проецируется не только на автора, но и на персонаж, казалось бы, иной психологической направленности — а именно на колдуна из «Страшной мести». Объединяет их и нежелание соблюдать веками установленные традиции, и их статус гостя, т. е. чужого, в диканьковском миру («Не так еще страшно, что колдун, — говорит Данило о колдуне, — как страшно то, что он не добрый гость» [28, т. I, с. 247].